

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Кирилла Клеванского
в серии

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

КОЛДУН. ЧУЖОЕ СЕРДЦЕ

КОЛДУН. ГЕНЕЗИС

КОЛДУН. ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОСТОК

Кирилл КЛЕВАНСКИЙ

КОЛДУН.
ПУТЕШЕСТВИЕ
НА ВОСТОК

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К48

Серия основана в 2004 году
Выпуск 503

Художник
С. А. Григорьев

Клеванский К. С.

К48 Колдун. Путешествие на восток: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 376 с.: ил.— (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1637-0

Кто такой Тим Ройс?

Тим Ройс — это человек, прошедший через самую кровавую кампанию в истории военного дела Империи за последние сто лет.

Тим Ройс — это наемник, который прополз по пещерам Харпуда, который сражался на пылающих стенах Мальгрома. Это солдат, одолевший сильнейшего мага столетия, убийца, ушедший от ищеек Третьей управы, внушающей ужас даже самым честным гражданам.

Что ждет Тима Ройса?

Новые опасности и приключения на пути до края мира — столицы Алиата.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1637-0

© Клеванский К. С., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ПРОЛОГ

Тим Ройс

Чирк! — пропел соскользнувший ножик, а уже мгновение спустя, шумно втянув воздух, я хотел было приложить порезанный палец к губам, но вовремя опомнился и оставил сушить ранку на ветру. Не хватало еще как ребенку пальцы мусолить на глазах у десятка вояк...

Впрочем, такой обидный факт, как нечаянный порез, не помешал мне с умилением воззриться на дело рук своих. На коленках лежал маленький деревянный бегемот. Когда-то на его месте покоился небольшой деревянный чурбанок, но четыре часа работы, два пореза, сотня отборных портовых оборотов — и вот результат. Четыре пухлые ножки, большой, даже огромный живот, вытянутая морда и добрые глаза. И все было бы прекрасно, но из чурбанка должен был появиться отнюдь не этот представитель южноафриканской фауны, а вполне себе банальный конь... Однако в процессе созидания что-то пошло не так, и вместо коня появился бегемот.

Вздыхнув, я отложил пухлого и воззрился на свою коллекцию. Уже декаду наш караван неспешным ходом идет по Сулийской дороге, ведущей к Императорскому тракту, и за все это время не было ни одного занимательного инцидента — все тишь да гладь. Вот я со скуки и решил предаться увлечению всех путешественников. Еще Одиссей увлекался такими забавами, а уж он-то в путешествиях знает толк. Но вернемся к коллекции. За десять дней я успел вырезать — гоблина (планировался ребенок), страуса (по задумке — ласточка), медведя (даже вспомнить трудно, что я задумал), ну и теперь еще бегемота. Еще раз вздохнув, я убрал фигурки в

походный мешок и улегся, подставляя лицо под лучи жаркого полуденного солнца...

Кое-что о минувших событиях

Пожалуй, некоторые из вас сейчас гадают: «А кто это вообще такой? Что он делает на Сулийской дороге? За какими темными он вообще рассказывает нам свою историю?!» Что ж, обо всем по порядку. Позвольте представить нашего героя — Тим Ройс. И глупо было бы, если бы это имя хоть как-то вас заинтересовало. Но постойте, не сворачивайте свиток, не закрывайте книгу и не складывайте в пыльный угол глиняные дощечки. Дайте истории второй шанс, и она вас не разочарует. Каюсь, начать действительно следовало с другого. Ведь чем любопытен ангадорец Ройс? Да ничем. Обычный деревенский парнишка, что бесцельно топчет пыль дорог. Другое дело — землянин Тимур. Хотя и он не сможет привлечь внимание даже самого непритязательного слушателя. Как итог — две типичные и скучные истории. Но если их соединить... Впрочем, начнем сначала.

Давным-давно по набережной реки, закованной в гранит, шел типичный студент-филолог. В голове ветер, в желудке горчица и сарделька. И все бы ничего, а книгу действительно стоило бы закрыть, если бы не один маленький нюанс — этого самого студента сбила машина. Да-да, вот так банально, шел-шел — и помер. А в то же самое мгновение где-то в другой Вселенной, в другом мире, среди чужих звезд и под неведомым небом решил утопиться деревенский паренек Ройс. Старушка-судьба решила подшутить над двумя смертными, и в тот миг, когда их души уже готовы были отправиться в последнее путешествие, она поймала их в свои сети и вернула на место. Но что-то пошло не так, и две души попали в одно тело — в тело утопленника Ройса. Что там началось... За право владеть сей брэнной тушкой развернулась настоящая битва, но в итоге победил Тимур, или, как его называют друзья, Тим. И с этого момента начинается история Тима Ройса.

Как бы мне хотелось поведать о его великих подвигах, о сонме красавиц, что согревали постель героя холодными ночами, о богатствах и замках, которыми он владеет, о дальних странах, в которых он побывал, но... все это не имеет никако-

го отношения к Тиму Ройсу из Гайнесского графства. Путь землянина на Ангадоре начался вовсе не с предсказаний, найденных великих мечей или прирученного дракона — он начался с услужения, почти рабства. Тимуру не повезло, и во владение он получил тело личного слуги графского сына Ози. Но судьба дала ему шанс и на этот раз. За год рабской жизни было сделано многое: сколько стойл было вычищено, сколько доспехов надраено, сколько мечей наточено, посуды вымыто, коридоров убрано, обедов приготовлено, дров наколото и, что самое важное, сколько планов побега было придумано. Но, видимо, даже такое рвение было неугодно судьбе, и она подтолкнула юношу в теле мальчика на подвиг. Над личным слугой нависла угроза каменоломен, и тот решился на отчаянный шаг — убить Ози и сбежать. И все бы ничего, но в ту самую ночь с той же самой целью в замок пробрался Тень — наемный убийца-одиночка по кличке Добряк. Эти двое встретились в спальне Ози... Можно долго гадать, что же произошло потом, но я лучше просто расскажу. Ози погиб, ведь с перерезанным горлом долго не живут, а Тим стал учеником Добряка.

Следующие пять лет Тим Ройс провел в лесу, постигая искусство Тени и просто приятно проводя время. И пожалуй, это самый длинный по времени отрезок этой истории, но, боюсь, если я приоткрою вам хоть немного из того, что открылось Тиму в том лесу, за мной начнут охотиться не только Тени, но и сам Тим. Так что скажу лишь одно: минуло пять лет и приключения начались.

Внезапно Тим оказался в гуще событий. Получив свое первое задание в качестве наемного убийцы, он убивает барона-бретера. Однако его подставляют, и, понимая, что ему грозит смерть, парень вступает в наемную армию «Пробитый золотой». Наемников отправляют в авангард, и отряд, в котором шел Ройс, попадает под лавину и оказывается в пещерах Харпудова гребня. Декада блужданий в одиночку через сеть пещер, сражение с костяными пантерами и огромными кротами — и вот Ройс, обернутый в шкуры, с запекшейся кровью на теле, уже находится по ту сторону хребта. Здесь его подбирает диверсионный отряд «Слепые кошки», состоящий из трех волшебниц. Но недолго Ройс пробыл в приятной компании. Он нагоняет «Пробитых» и, воссоеди-

нившись с друзьями, отправляется осаждать крепость Мальгром.

Его ждет жаркий бой на стене. Многие тогда пали, но израненный наемник сорвался во тьму, и лишь чудо уберегло его от смерти. Ройс оказывается по ту сторону стен, в стане врага. На этом история оборвалась бы, но парень так просто не сдался. Залечив раны, он в одиночку пробрался на башню, подал сигнал своим, перебил охранников и перерубил ворот, опускающий ворота. Армия ворвалась в крепость. Пламя пожара вздымалось так высоко, что казалось — сбылись предсказания об Армагеддоне и солнце упало на землю. Но «Пробитые» не участвовали в схватке — они грабили. Тим добыл себе две чудесные сабли, сверкающие подобно лунным перьям.

В тот вечер, больше похожий на рассветное утро, Темный Жнец, тащивший за собой мешок с тысячами душ, нашел еще одну жертву, которой на этот раз оказался Ушастый — член отряда и друг Ройса. Так год войны обернулся для Ройса приобретением товарищей и тяжелой утратой.

Наконец срок контракта вышел, и настал момент отправляться дальше. Тим вновь возвращается в столицу, солнечный Сантос. Обнаружив в себе искру магии, он поступает в Императорскую магическую академию. Там парень находит новых друзей — рыжего бастарда Дирга ним Гийома, охочего до развлечений и всяческих гуляний, его сестру Рейлу эл Гийом и графиню Лизбет Норман. Последняя — та еще штучка, но не будем заострять на этом внимание, иначе мне не избежать вызова на дуэль от влюбленного в сию даму Дирга.

Тима Ройса ждут балы, работа в банке, новый наставник — немного сумасшедший чертильщик¹, научные открытия, огромная библиотека, в которой книг больше, чем песчинок на пляжах Майами... А также студенческие вечеринки и все остальное, связанное с веселой жизнью в Академии. И... да, вы правы. Тима также ждут старые враги, но не его, а Ройса, который лет семь назад решил покончить с собой.

Житель города на Неве забрал жизнь у Ройса, взамен по-

¹ Чертильщик — маг, который для колдовства использует волшебные чертежные схемы.

обещав исполнить его волю — отомстить за смерть сестры. Долг, что камнем лег на плечи Тима, вновь напоминает о себе. Его ждет новая интрига — среди бальных зал, элитных театров и переплетений темных улиц Сантоса. Целая цепочка событий приводит не куда-нибудь, а в покои старшего сына императора. Кинжал, обмазанный страшным ядом, нашел свою цель и оборвал жизнь Крысы, первого принца Империи.

Избавившись от удавки долга и почувствовав, что жизнь принадлежит лишь ему, Тим отправляется навстречу новым приключениям. А поскольку в его понимании приключения неотделимы от путешествий, он нанимается в охранный отряд, который должен сопровождать неизвестного вельможу аж до самого Алиата! И теперь мы с вами можем увидеть, откинув полог, как в крытой повозке разлегся юноша. Ростом он высок, да и в плечах широк, но на лицо неказист. Не уродлив, конечно, но явно не сердцеед. Серые глаза, нос со шрамом на переносице, еще один шрам — на виске, на левой скуле тоже есть, да что там — и на правой виднеется. Резкие черты лица и черные волосы, как всегда пребывающие в абсолютном беспорядке. Среди некоторых дам Сантоса даже ходят легенды о гребешках, что нашли свой конец, пытаясь расчесать эти лохмы. И все же теперь, после небольшой предыстории, надеюсь, что его жизнь уже не кажется вам столь пресной и не заслуживающей внимания.

Зуб даю, сейчас Тим думает о том, что весьма схож со своими, признаться, не самыми удачными фигурками. Он как его бегемот, который задумывался лошадью. Не раб, не слуга, не наемник, не солдат, не воин, не маг, не убийца, не дворянин и не простолюдин. Видимо, судьба подшутила над ним: хотела вылепить что-то одно, а вышло... впрочем, пока еще ничего не вышло. Но, может быть, в третьей части мы наконец узнаем, что Тим Ройс — отличный путешественник, ведь Алиат так далеко, а солнце еще так высоко...

Глава 1 ОБРЫВ

Его императорское величество Майкл дель Самбер

Уже не раз мы бывали в этом кабинете и заставляли необычную пару разумных за удивительными и порой ужасными диалогами. Но сегодняшний вечер может перевернуть все наше представление о бывшем дворянине-интригане и его друге — сыне пастуха. Майкл, по своему обыкновению, сидел за небольшим письменным столом в простом кабинете, обставленном дорогой, но неброской мебелью. Император некогда великой страны, держа в одной руке хрустальный бокал, а в другой — даже с виду древнюю бутылку, смотрел на то, как янтарная жидкость лениво перетекает из одной емкости в другую.

— То, что я вижу, соответствует тому, что я знаю? — А вот и второй участник беседы.

Появился старик, как всегда сидя в кожаном кресле, одетый в полувоенный камзол. Казалось, его вовсе не беспокоит то, что он в который раз нарушает законы Вселенной и неведомым образом проникает в самый защищенный уголок страны.

— Ага, — печально кивнул Майкл и, достав второй бокал, наполнил его и протянул товарищу. — Тебе дерево на язык упало или ты забыл, как нормально разговаривать?

Тот, поблагодарив кивком, принял угощение и, слегка пригубив напиток, покатал его по деснам, а потом с явным наслаждением отправил в глотку.

— Лучше, чем я предполагал, — прокрихтел он. — Глупо было ожидать меньшего от шестидесятилетнего лефтонского. Хотя, думаю, если поднапрячь гномов, у них в подземель-

ях можно и попримечнее найти. А насчет оборота — тренирую красноречие.

— Ну извини, — усмехнулся император и развел руками. — Чем богаты, тем и рады. Да, у тебя не получается.

— А учитывая, что эту самую бутылку тебе подарили на венчание и ты божился открыть ее только на смертном одре... И хватит уже о моем красноречии, оно весьма...

Император прервал речь волшебника взмахом руки. Опрокинув бокал, он утер губы и спросил:

— Как лекари?

Старик пожал плечами и продолжил неспешно потягивать драгоценную настойку:

— Все то же самое. От короля ядов нет избавления. Но его мучения скоро прервутся. День, от силы два.

— Не такой судьбы я для него желал, — сокрушенно покачал головой император.

— Ты блуждаешь в иллюзиях. — Маг сморщился так, будто его заставили лимонную вытяжку вместо супа хлебать. — Он бы никогда не отказался от престола, как сделал твой мудрый средний сын, правда, что-то мне подсказывает, что ему общество книг дороже любого людского.

— Можно было попытаться...

— Нет! — рявкнул маг, раздраженный тем, что они каждый день возвращаются к этому разговору. — Константину не повезло родиться третьим, но его путь уже написан кровью нашей и наших врагов!

— Думаешь, я не понимаю?! — От рыка Майкла задрожали стекла. — И все же он был мне сыном. Скажи, старый друг, ты приложил к этому руку?

Маг вновь пожал плечами и, прилевитировав к себе бутылку, налил еще.

— В каком-то смысле да. Мы оба знали, какую жизнь ведет твой отпрыск, и чей-либо приход по его душу был только вопросом времени. Я же просто не стал мешать, да и другим не позволил. Но все это не умаляет суровой реальности. Если бы не таинственный «помощник», нам бы пришлось убирать его самим. Еще раз тебе повторяю — он бы не отказался от своего права старшего сына.

Майкл вонзил пальцы в густые волосы, будто пытаясь вырвать их вместе со скальпом.

— И все же...

— Не стоит, друг, не стоит. — На миг в глазах мага промелькнуло сочувствие. — Как бы это ни звучало, но такая ситуация пошла нам на пользу. Теперь путь к престолу открыт для Константина, а самых умных и надежных людей можно будет занять поисками убийцы... когда Жнец все-таки явится по душу твоего отпрыска.

— А как же насчет врат? Кто же их теперь откроет, если Тайс погиб? — усмехнулся Майкл.

— Это сделаю я, — твердо заявил старик.

— Но ты же должен был остаться и помочь Константину!

— Что ж, — развел руками маг, — видимо, мы будем оба наблюдать с небес за земной возней.

Император грязно выругался. По плану сорвать печати должен был сильнейший маг столетия, заплатив за это жизнью, теперь же все пойдет совсем по другой тропинке.

— Да и к тому же, — улыбнулся волшебник, — даже гибель этого студента Санты в турнире имеет свой смысл. В конце концов, не наша вина, что он не смог справиться с собственной силой. Ему не хватало ни внутреннего стержня, ни храбрости, ни банального ума. Я тебе уже рассказывал, как пытался научить его хоть чему-нибудь, что знал сам. Но все, на что он был способен, — это создать простенькое колдовство и влить в него титаническое количество энергии. Просто очередной тролль с дубиной.

— Тем не менее за его смерть ты расплатишься своей жизнью.

— Значит, такова воля судьбы, — в третий раз пожал плечами волшебник. — За этот сезон она продвинула нас дальше, чем все наши поползновения за последние двадцать лет. Да и не уверен я, что Константину понадобилась бы моя помощь.

— И смерть тебя совсем не страшит? — прищурился Майкл.

— Так же, как и тебя, — кивнул его собеседник.

— Срок?

— Через год, может, чуть позже, золотая нить выведет копателей к вратам. И, полагаю, смерть двухсот человек должна волновать тебя больше, чем гибель двоих заигравшихся смертных.

— Это ты сейчас о моем сыне и своем ученике или о нас с тобой?

— Не знаю, — подмигнул маг. — Может, обо всех сразу? Майкл рассмеялся и добавил себе в бокал коньяка.

— Значит, мне осталось полгода, а тебе чуть больше? — как бы невзначай поинтересовался он.

— Получается так.

— Что ж... У нас еще есть достаточно времени, чтобы осушить все мои запасы. А если поднапрячь лекарей, то и до твоих доберемся.

На этих словах старик встал и поднял бокал.

— Тогда за сияние бесконечной Империи! — произнес он древний, забытый тост.

— За сияние! — Император тоже встал, и они чокнулись.

А сейчас нам стоит покинуть императорский кабинет и отправиться на восток. Ведь караван уже далеко, а догонять торговцев — это, я вам скажу, развлечение исключительно для грабителей.

Тим Ройс

— Да не жалея его! — кричали где-то слева.

— В корпус пробивай, в корпус! — доносилось справа.

— Руки выше, руки! — Это уже вообще с какой-то неизвестной стороны.

Увернувшись от прямого в голову, я чуть присел и выстрелил правой рукой в печень противника. Тот же, будто не заметив моего выпада, попытался перехватить руку, благо я вовремя отдернул ее и сделал два шага назад. Если честно, я уже жалею, что позволил втянуть себя в эту забаву охранников каравана. Хотя какой там караван — так, небольшая торговая компания: четыре повозки, семнадцать человек торговцев да дюжина охраны. И вот, изнывая от скуки, эти самые охранники решили сходиться в поединках, ставки — по две серебрухи с брата. Зрители тоже не с хуторка, так что устроили тотализатор. И сегодня утром Лохматый, который чуть ли не сезонный оклад спустил на ставках, попросил у меня помощи в этом серьезном вопросе. А помощь заключалась в следующем — выйти в круг и накостылять парню, на которого все обычно ставят. Если вы помните, у меня у самого с деньгами туго, так что думал я недолго. Буквально сразу

согласился. А зря. Возможный золотой прибили уже обернулся для меня помятыми ребрами, расплывающимся синяком на левой скуле и рассеченной бровью. А чего стоят эти их дрянные правила — ногами не бить, в эти же ноги не бросаться, побеждает тот, кто стоит, или тот, кто сможет десять секунд удержать противника на земле. Боксеры, темных боги им на любовное ложе!

Хлесткий хук вывел меня из прострации, и я снова закружил вокруг этого Тоби. А с виду обычный мужик, разве что жилистый, но удар такой, что если мне еще один в голову прилетит, то, чувствую, до Алиата буду добираться исключительно зигзагами. Тоби сделал полушаг и уже направил очередной «пушечный выстрел» прямо мне в глаз. Резко присев, я успел провести три быстрых, но несильных удара ему в корпус, после чего снова отпрыгнул назад и в который раз закружил против часовой стрелки.

— Да завали ты этого кролика! — донеслось с крыши фургона.

Ну да, я уже минут пять только и делаю, что бегаю по кругу и обрабатываю противника быстрыми очередями. Самому тоже достается, но в партере меня ожидает разве что нокаут. А этому Рокки, кстати, все нипочем: что бью, что не бью, он даже не запыхался. Вот опять вперед попер. Чуть пригнувшись, парень провел серию ударов, обрушившихся на мой блок, как таран на крепостные ворота. Руки отозвались тупой болью, но я стерпел. Тут же, не меняя позиции, Тоби резко выбросил левый кулак вперед, но, не доводя десяти сантиметров, вернул в оборону, а следом уже устремился апперкот правой. Будучи прикрытым ложным выпадом, он, вероятнее всего, нашел бы свою цель, если бы я вовремя не зазевался. О да, моя растерянность спасла мою головушку. Ведь, по идее, я должен был сделать шаг влево и увернуться, но я не уследил и уже собирался пропустить левый в голову, но его не последовало. А апперкот рассек пустоту.

Не теряя момента, я перенес вес с левой на правую, напряг плечо и с предвкушением направил всю энергию тела в правую руку. Та, как плеть надзирателя, устремилась в подбородок Тоби, а за пару мгновений до столкновения я сжал кулак и максимально напрягся. Глупо, конечно, а ну как сломаю не челюсть врагу, а пальцы себе. Но я надеялся, что

Тоби — не я и ворон не считает. И оказался прав. Тот успел увернуться, но удар был слишком быстр, и я все же успел задеть его. Голова чуть качнулась, а я уже отпрыгнул назад. На пару секунд противник дезориентирован. Может, мне хватит. Сделав маленькую перебежку, я очутился с противоположной стороны. Вновь перенеся вес с левой на правую, я выполнил классическую тройку. Сначала два боковых по корпусу, а потом попытался прямым левым дотянуться до скулы. Не получилось: Тоби очнулся и впервые на моей памяти сделал шаг назад.

— Ломай его! — надрывался все тот же голос. Видимо, его обладатель много поставил.

Тоби кивнул и размазался тенью. Тут же из легких пропал весь кислород, в меня как будто опять врезалась машина. Мы упали и покатались по земле. Я отчаянно старался не дать взять себя на болевой, а противник занял оптимальную позицию. Зажал мне руку и пытался ею же придушить. Здесь бы я и встретил свой конец, если бы не уроки Добряка. Сколько раз мы с ним так же валялись на песке и сколько раз я ощущал, как рвутся связки от разнообразных болевых. Можно сказать, я оказался в своей стихии. Ударив Тоби головой по носу (грязно, конечно, но никто не говорил, что так нельзя), я воспользовался секундным замешательством и извернулся ужом. Тут же рука противника оказалась на сгибе моей. Резко встав, я с некоей долей удовлетворения ощутил, как напряглись связки парня, а затем поляну огласил протяжный скрип трущихся зубов. Тоби резко встал вместе со мной и теперь пытался высвободить руку из болевого. Но чем больше усилий он прилагал, тем сильнее я давил. Одновременно с этим я кружил по поляне, вода его за собой, как бычка. Это сбивало противника с толку, а его сознание и так затуманено болью. Наконец я поймал нужный момент и, войдя в ритм, потянул руку вниз. Используя тело соперника как опору, резко вскинул ноги, переплетая их на шее Тоби. Мы упали. Теперь же я не только выламывал ему руку, но и одновременно с этим душил.

— Десять! — раздался крик. — Девять! Восемь! Семь! Шесть! Пять! Четыре! Три! Две! Один!

Я тут же разомкнул тиски и перекатился подальше. Рывком поднявшись на ноги, помог встать Тоби.

— Грязно дерешься, — прохрипел он. Я приготовился к мордобойе без правил. — Но демонски здорово.

Улыбнувшись, я кивнул:

— Ты меня тоже от души помял.

Пожав друг другу руки, мы разошлись. За спиной слышались разочарованные вздохи и звон пересыпаемых монет. И всю эту картину, полную упаднических настроений, разбивали редкие радостные крики тех, кто все же рискнул поставить на телохранителя, то есть на меня. Среди них был и Лохматый. Вообще странный малый, как и его брат-близнец Щербатый. Имен их я не знал, но прозвища говорят сами за себя. Первый из принципа не стригся и не признавал гребней, оттого ходил, как пес после сушки. И, по словам Оргонга, нашего командира, в этом я мог составить ему здоровую конкуренцию, хотя мои волосы в разы короче гривы Лохматого. Что до Щербатого, то того так прозвали из-за отсутствия двух верхних передних зубов. Для кого-то эта кличка показалась бы обидной, но только не для Щербатого. Он был какой-то тормознутый, тупил просто жуть. Но зато умел свистеть и на диво метко стрелял из арбалета. Брат же его даже камнем в стену Сантоса не попал бы, зато фехтует сносно. А вот Оргонг, или Орго, — мастер на все руки. Он и топором, и секирой, и бастардом умеет, метательные кинжалы ему сами в ладонь ложатся, а стрела непременно в яблочко попадет. Даже завидки берут.

Сам-то я, кроме кинжалов да сабель, ничем не владею. Лук натянуть натяну, но скорее себе в ногу попаду, чем в цель. С арбалетом порезвее, но с ним разве что зомби не сладит, так что это не самый лучший пример. Что же до другой стали, так это не про меня. Если в руки секиру возьму, то в строю мне лучше не стоять, потому как строя не будет, одни лишь трупы, причем, вероятнее всего, трупы своих. Топором я лишь дрова горазд колоть, а бастард в моей руке больше похож на гулящую девку. Куда ему надо, туда он и «идет». До сих пор не понимаю, как на войне выжил с такими навыками. Видать, товарищи подсобили в вопросе выживания.

Другое дело, если в моих руках окажутся сабли или кинжалы. Без ложной скромности заявляю — здесь мне равных нет. Ну, во всяком случае, достойных противников я еще не

встречал. Разве что Добряк мог бы поспорить с этим утверждением, но он уже давно в очереди на перерождение.

Наконец за спиной послышались шаркающие шаги, а вскоре показался и сам разумный. Им оказался Лохматый, весело подбрасывающий в воздухе два золотых. Уже и обменять успел, ну жучара! Я протянул руку и изогнул бровь. Теплохранитель вздохнул, но монету отдал. Я ее тут же попробовал на зуб, а то знаю я этих торговцев. Но вроде обошлось — мягкая.

— Ох и здорово ты его отделал, — соловьем заливался Лохматый. — И в голову его, и в печень! А с ногами-то, с ногами-то! Я моргнул, ты раз — и навверх, моргнул, и ты хоп — уже к земле его давишь.

Я глубокомысленно кивал на протяжении всего пути до фургона. Так я называю эту крытую повозку-карету, уж больно похожа на западного собрата. Хоть сейчас шляпу на голову, револьверы на пояс — и вперед, гоняться за беглыми преступниками и семейными бандами.

На подходе нас встретил Орго. Судя по тяжелому, металлическому взгляду голубых глаз, он явно недоволен. Спустя мгновение на нас обрушилась отборная брань за то, что мы, такие нехорошие, оставили вельможу без части охраны.

— Орго, дружище, тише, — взмолился Лохматый. — Для чего этому вельме столько народу? Ты оглянись, тишь да гладь.

Командир запнулся на полуслове и даже покраснел. После чего раздался стук, схожий с тем, что доводится слышать, когда бьют кочан капусты. А подзатыльники у Орго знатные. Лохматый тут же схватился за ушибленное место и сплюнул.

— А ну живо на вахту! — рявкнул командир, и парень полпелся к своей лошади.

Вскочив в седло, он убрал монету за пояс и, цокнув языком, подогнал животинку к фургону.

Щербатый подмигнул брательнику и вернулся к своему занятию — пялиться на ладных служанок.

— Капитан! — обратил на меня свой взор Орго.

— Да, лэр! — крикнул я и вытянулся в струнку.

Наука Пило, командира отряда наемников, в котором я

когда-то служил, плотно въелась в подкорку: чем громче крикнул, тем меньше проблем от начальства.

— Приведи себя в порядок и сходи воды набери, — вздохнул тот и ушел куда-то по своим командирским делам.

Ну, делать нечего, приказ есть приказ. Пожав плечами, я подошел к своему коню, который сейчас мирно пасся на траве. До вахты мне еще далеко — к вечеру только, так что сейчас животинка не навьючена, а мешки с поклажей лежат под сенью неизвестного раскидистого дерева. С виду дуб, а почему-то на тополь похож. Вот, значит, и будет тубом. Как вы уже поняли, я не избавился от привычки придумывать названия всему новому, что встречаю на Ангадоре.

Туб стоял в стороне от нашей стоянки, но за вещи я не волновался, воровать никто здесь не станет. А если станет, то лучше ему, не теряя времени, удавиться. О таком лихаче сразу слух пойдет, и больше его ни в один караван не возьмут, а это, считай, медленная голодная смерть и нищета. Так что закон каравана все соблюдали четко. Подойдя к вещам, я развязал один из мешков и достал деревянную баночку, обмотанную кожей. Отвинтив крышку, набрал на пальцы желтую вязкую жижу — слава всем богам, что без запаха, — и обильно намазал ею синяки и ушибы.

— Помочь? — неожиданно спросил женский голос с явным восточным акцентом.

Я вздрогнул, едва не выронив банку. Подняв голову, увидел одну из служанок вельможи — невысокую ладную девушку со смуглой кожей, темными глазами и черными волосами. Ее звали Сатия.

— Такая страшная? — мило улыбнулась она, заправляя за ушко выбившуюся прядь.

— Что? — А вы не удивляйтесь, что я туплю, меня Тоби отлично приложил.

— Я такая страшная? — улыбнулась Сатия. — Просто как к тебе ни подойду, ты всегда вздрагиваешь.

Я искренне улыбнулся и поднялся на ноги. Не дело сидеть, если девушка стоит. Хотя Сатия, вероятнее всего, была против: ведь теперь ей приходилось буквально заирать голову.

— Если бы ты подходила, а не подкрадывалась, я бы, возможно, не вздрагивал.

— Ну так что, помочь?

— Да уж сам справился, — пожал я плечами и, схватив рубашку, поднял здоровый бурдюк. — И что-то мне подсказывает, что воду носить ты откажешься.

— А ты бы предложил? — с долей ехидства отозвалась девушка.

— Нет, конечно, — усмехнулся я и отправился к реке.

На ходу я обернулся и помахал Сатии рукой. Служанка ответила тем же и, развернувшись, отправилась к фургону, слегка покачивая бедрами. Поудобнее перехватив бурдюк, я поплелся через пролесок к реке. Все мысли занимала Сатия. Это началось практически с самого начала нашего путешествия. При любой возможности она спешила «помочь». Помощь обычно сводилась к разговорам ни о чем. Каюсь, я ими откровенно наслаждался. Так приятно спустя многие годы просто болтать с симпатичной девушкой. Но ей, видимо, было этого мало... И чем я ей только приглянулся? Парни крутили пальцем у виска, недоумевая, почему я не двигаюсь дальше. Даже Орго позволил себе парочку сальных шуточек на эту тему. Я же в этом качестве Сатию даже не рассматривал, внутри поднималось четкое ощущение того, что это неправильно. И когда питерский студент успел стать таким моралистом? Иногда тошно от самого себя становится, но ничего с этим не поделаешь.

А девушка действительно хорошая, добрая, и смех у нее красивый — звучит банально, но чем-то на журчание ручейка похож. Да и вообще вельможе со служанками повезло. Вторая, Лисанда, тоже недурна собой, но слишком уж ответственно подходит к своим обязанностям и с нами, телохранителями, почти не общается. А если и ведет беседу, то исключительно деловую, а потом еще на Сатию шикает, недовольная тем, что та со мной заигрывает. Хотя это и заигрыванием не назовешь, просто болтаем и иногда, когда есть время, бесцельно бродим по лагерю, наслаждаясь обществом друг друга. И все же не понимаю, чем ей мог приглянуться такой неказистый паренек, да еще и бывший наемник. Про нас ведь молва одна — лихой или беглый. Ко мне даже собственный отряд настороженно относится, но я их не виню, да и не пересекаемся мы, насколько это возможно. Теплые отношения у нас не сложились — скорее нейтраль-

но-деловые. Но я не напрягаюсь. Думаю, дойду с ними до Закатного моря, а там наймусь матросом (благо Добряк и этому обучил) и отправлюсь к архипелагу. До Алиата я топать не собираюсь. Все же пересекать пустыню как-то затруднительно, да и цель моего путешествия, как я полагаю, находится в другом полушарии. Хотя этих бесед и прогулок с Сатией мне будет не хватать.

Зацепившись за сук, я ругнулся, сплюнул и, поправив бурдюк, побрел дальше. Мазь уже подсохла и застыла коркой, но смывать нельзя, надо еще с часик подержать. Что до вельможи, или на профессиональном сленге — вельмы, то мы о нем не знаем ровным счетом ничего, даже пола. Но это скорее относится к остальным караванщикам. Я-то уже давно вычислил, что мы охраняем девушку. Все же навыки Добряка и личный опыт... ну ладно, не буду красоваться. Просто как-то ночью мне приспичило до ветру, ну я и отправился, ведомый одним лишь известным чувством. В итоге наткнулся на полянку, где в деревянной бадье стояла нагая леди. Одна из служанок, стоя на маленькой скамеечке, поливала ей голову водой, другая растирала тело. Ну а я... а я повел себя как обычный мужичок с хуторка. Застыл на месте и рот разинул.

Ночи здесь светлые, так что я смог, не напрягаясь, изучить все изгибы стройного тела, все переливы смуглой кожи, а жгуче-черные волосы казались еще темнее. В какой-то момент одна из девушек обернулась, и я в ней узнал Лисанду. Мне тогда пришлось проявить все мастерство Тени, чтобы остаться незамеченным. Нырнув в кусты, я укрылся ветвями, да так и просидел до конца омовения. Служанки завернули девушку в какие-то то ли простыни, то ли полотенца, захватили бадью, пустое ведро и удалились. Лишь мельком мне удалось ухватить лицо нашей подопечной. Тонкие, но изящные губы, плавные линии скул, точеный носик и большие зеленые глаза. Не так красива, как герцогиня Лейла, но, уверен, не один мужчина пал под ее чарами. Кстати, до ветру я так и не сходил. Вернулся в лагерь и лег спать. Вот только ехидный Морфей не пожелал оставить меня в покое: всю ночь мучил образами да всякими другими непечатными вещами.

Наконец пролесок закончился, и я вышел к реке. Здесь

она спокойна и величественна, но уже через километр до вас донесется шум, а еще спустя десять минут ходьбы вы наткнетесь на водопад. И дальше, по ущелью, побежит уже не спокойная и величественная река, а бурный, резвый поток. Пороги будут сменяться маленькими перепадами, водовороты — всплесками волн, бьющих о камень. Да и от самого обрыва до глади реки довольно высоко. Так что все сейчас собирают воду в любые емкости, так как пополнить запасы мы сможем еще не скоро.

С приказом Орго я справился всего за полчаса. Тем, кому кажется, что набрать воды в бурдюк легко, скажу: не снимайте свои розовые очки и дальше. Тем же, кто готов трезво взглянуть на реальность, скажу честно — каторжная работа. То бурдюк из рук выскальзывает, то скопившийся воздух воду не пускает, то еще какая беда. В общем, полчаса — еще немного, обычно народ только за час управляется. У меня же за пять лет жизни в лесу накопился своеобразный опыт и появились характерные умения. И знал я один секрет. Нужно взять камень и чуть придавить горлышко, тогда все будет проще.

Положив бурдюк на берег, я растянулся на песке и закрыл глаза. Солнце грело запарившуюся кожу и отгоняло назойливую мошкару. Приятный ветер остужал и оберегал от излишнего внимания оранжевого диска. Сам того не заметив, я погрузился в сладостную дрему. В конце концов, ничего не произойдет, если я полчаса поваляюсь на солнце-пеке. Но дрема все глубже и глубже затягивала меня в свои объятия, и вскоре я поддался этому зову.

Проснулся резко, разом сбрасывая оковы сна и буквально разрывая видения. Левое предплечье нещадно жгло, а с юга тянулся едкий запах паленого. На небе уже сияли звезды, — видимо, спал я куда больше, чем час или два. Ощущение неправильности происходящего только усилилось, а жжение стало поистине ужасным. И только тут меня осенило. Татуировка телохранителя! Поднеся руку к лицу, я увидел, как густым черным цветом налилось изображение щита и рунной вязи под ним. Сердце пропустило удар. Голову тут же наполнили худшие предположения. Схватив бурдюк и набросив рубашку, я помчался через пролесок.

В этот раз я не спотыкался об корни, сучья не трогали

руки и лицо. Я бежал, как учил Добряк, я бежал, как научился сам, но порой, как бы быстро ты ни бежал, время все равно быстрее. Вот лицо обдало жаром, а воздух стал жечь легкие. Я выскочил на поляну и тут же прикрыл глаза. Все вокруг было в огне. Горели повозки, пустые сундуки и ящики, даже люди. Но сознание отказывалось принимать происходящее, оно вопило об иррациональности суровой реальности. Откуда на Сулийской дороге взяться разбойникам, что способны одолеть дюжину охранников и трех телохранителей? Нет, этого просто не может быть. Здесь могут быть лихие люди, крестьяне с вилами, шатуны, но организованная банда... И тем не менее я видел, что извозчик все еще держал вожжи в руках, но лицо его уже давно застыло, а глаза подернулись мутной пленкой. Он навсегда останется на своем месте, прищипленный к повозке длинным арбалетным болтом, торчащим из груди. Я видел, как других, пронзенных острой сталью, уже объяли языки пламени. Огонь лизал их со страстью пылкой любовницы, и запах горелого мяса наполнял ноздри. Руку снова обожгло. Я обернулся в поисках того, кто мог бы меня призвать. И я его нашел.

Оргонг лежал на земле. Его грудь дрожала, рука сжимала рассеченный живот, а из разрубленной ноги толчками била кровь. Я подбежал к нему. На миг его взгляд очистился, сухие губы прошептали:

— Север!

С этим он ушел. Грудь замерла, а взгляд помутнел. Я только кивнул и, аккуратно опустив голову покойника на землю, обернулся в поисках своих вещей. В голове билась одна мысль: «Лишь бы не забрали, лишь бы не забрали». И ощутил невероятное облегчение, когда в тени туба обнаружил мешки, заваленные ветками и землей. Буквально подлетев к ним, тут же нацепил сабли, отчего сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Я не представляю себе то сумасшествие, что накатило бы на меня, если бы их увели. На рубашку легли две перевязи с листовидными ножами, в голенища сапог ухнули кинжалы. За поясом закрепил две стрелки и еще три ножа. Из одежды взял лишь то, что было на мне, да накинул куртку с плащом. Остальное оставил. Сумку с дневником и писчими принадлежностями закрепил на бедре.

Поднявшись, я схватил оставшиеся мешки и бросил в

огонь. Хоть такой вклад в погребальный костер. Но смотреть на устремляющиеся к небу языки пламени не стал. Вместо этого, накинув капюшон, рванул в направлении, что указал Орго. Себя я в произошедшем не винил. Будь я здесь в момент нападения, мало что изменилось бы. Мы не думали о бандитах, их вообще, кроме как на трактах, нигде нет. Но все же червячок совести точил меня, подобно капле, пробивающей камень. Впрочем, сейчас не до этого.

Добежав до леса, я напряг глаза и пошел по следу. Лес — это всегда союзник, иногда нейтральный наблюдатель, но никогда не враг. Последнее часто подвергают сомнению, но так мыслят лишь глупцы. Будучи уверены в своем превосходстве, они приходят в лес и начинают вести себя как хозяйева. Лес не рад таким гостям, он скрывает от них свои блага и показывает лишь колючие кусты да берлоги спящих медведей. Вот и сейчас в лесу такие типы: они не уважают его, а он подсказывает мне, где найти этих невежд.

Трава, примятая против ветра, шепчет о том, что кого-то тащили, причем грубо. Вот кусочек ткани на суку — была борьба. Слишком тихо поют птицы — прошли давно, но не очень. Слышен вой волка где-то на западе — значит, они на северо-востоке. Чуть приплюснутый бугорок — кажется, шли вереницей.

С уверенностью охотничьего пса я перебежал от одной подсказки к другой. Раздавленный жук, сбитый гриб, помятый куст, обломанная ветка, уксусный запах страха и звуки животного мира вели меня к цели. Возможно, девушка-подпечная еще жива, и тогда я попытаюсь ее спасти, если же нет — сверну на юг и отправлюсь в Рагос. В Империи телохранителю, провалившему задание, нет места. Мне не дадут работы, а обыватели будут смотреть исключительно как на лихого наемника. А там и до подставы от государевых людей недалеко. Спишут на меня какое душегубство — и здравствуй рудник.

На миг я замер. Ухнула сова, заворчала лиса — рядом труп. Подбежав поближе, я опознал одну из служанок. Разбитое лицо, изломанные пальцы, порванное платье. Она сражалась, но сражалась не за себя, а за кого-то. Ее убили, но не притронулись к телу. Значит, действительно банда: не стали тратить время на развлечения. Интересно, что такое везли

наши караванщики, что за ними выдвинулась целая группировка? По-хорошему, нужно похоронить девушку, не палить же погребальный костер посреди летнего леса. Но времени нет. Я двинулся дальше.

Ночь укрывала меня в тенях, да я и сам не мальчик в этом вопросе. Звери не видели меня, не чуяли и не слышали. Я знал, как надо ходить в лесу, и знал, как вести себя на охоте. Вскоре смолкли птицы, а следов стало больше. Где-то вдалеке слышен шум водопада. Они близко, я рядом. Подсказки уже не нужны: следы столь явны, что их нашел бы любой мало-мальски внимательный разумный. Когда же впереди показались огни, я понял, как глубоко ошибался, полагая, что за десять минут сна ничего не произойдет.

Вся предыдущая декада спокойствия была оправдана лишь одним фактом — нас вели. Вели, как овец на убой. Не знаю, кто проданся или был внедрен — разведчики или главный погонщик, — но банда эта столь нагла, что решила не охотиться за добычей, а привести ее в логово. Будь ситуация немного другой, я бы восхитился их наглостью, бесстрашием и решительностью. Но не сейчас. Времени мало, сейчас они пьяны от крови и трофеев. В голову бьет адреналин, даже отсюда слышны победные крики и перезвон лютен. Они не скрываются. Зачем, здесь уже нет власти правителя, только власть баронов, а им заплати — и делай что хочешь. Может быть, я встречу тут своих собратьев по цеху — наемников, полностью оправдывающих ходящую о нас молву.

Я замер и сосредоточился на метке. Я уже достаточно близко к лагерю, и, если девушка еще жива, метка найдет ее. Возможно, после следующих слов многие из вас проклянут меня, обвинят в малодушии и трусости, но часть меня, та самая предательская часть, что есть в каждом человеке, отчаянно желала, чтобы девушка была мертва. Лишь одно утешало: мне не понадобилось никаких усилий, чтобы заткнуть этот предательский писк. Он сам замолк, когда метка обнаружила цель.

Я достал флягу и вылил немного воды на землю. Немного потыкав в нее палкой, валявшейся рядом, зачерпнул получившуюся жижу и тщательно измазал ею лицо и шею. И лишь потом понял, что не на охоту иду, а на диверсию. Ругнувшись, помянул недобрым словом вбитые привычки, но смы-

вать было уже поздно. Ну и пусть, если что — станет фактором утраченного. Хотя сам я тоже не бесстрашный герой. Страх, как и всегда, чувствовался, но не затапливал сознание. Он, как верная собака, терся об ногу. Но не стоит упиваться этим ощущением: одна ошибка — и страх нападет с силой, неведомой смертным.

Метка вела меня, и я аккуратно обходил лагерь. Всего палаток было около двух дюжин. Большая банда, больше полусотни. Наверное, действительно наемники. В какой-то момент я запнулся за что-то взглядом и напряг зрение. Так и есть, в центре лагеря у костра находится импровизированный загон, в котором я увидел торговцев из каравана и неизвестных людей. Среди них были и женщины, но лучше бы я их не видел. Во мне еще теплилась надежда, что большинство наемников так же собранны, дисциплинированы и благородны, как и «Пробитые», но последние воздушные замки рухнули, когда я увидел то состояние, в котором пребывали женщины. Возможно, легионеры правы, когда при первом подозрении вешают наемников на ближайшем суку... А спустя пару мгновений из груди вырвался вздох сожаления. Среди пленников не было ни Сатии, ни ее госпожи. И если о местонахождении леди я уже догадался, то со смуглой служанкой все гораздо хуже. Она могла быть в любой из палаток, и теоретически найти ее можно. И тогда передо мной встал выбор. Возможно, вам покажется, что выбор этот тяжел, и вы опять меня проклянете, но на раздумья ушла лишь пара секунд. Я двинулся к самому большому шатру, где должна была находиться подопечная. У меня нет времени, чтобы разъяснять вам свою позицию в этом вопросе, но, клянусь всеми богами, когда выпадет спокойный час, я обязательно расскажу, почему поступил именно так. Почему вместо практически подружки отправился спасать незнакомого мне человека.

Тени надежно укрывали меня, когда я почти вплотную подобрался к шатру. Но я не Добряк и не могу ходить в «скрыте» перед глазами толпы. И хотя здесь не толпа, а всего двое стражников, это сути дела не меняет. Слишком пристально они всматриваются во тьму, слишком много света дают четыре факела на треногах. Я открыл сумку и тихонечко вытащил свой дневник. Прошептав название нужного заклина-

ния, я смотрел на то, как странницы сами перелистываются, ища нужное место. Наконец их нехитрый танец замер, и я нашел нужный раздел, в котором покоилось всего четыре закладки. Больше мне и не нужно. Взяв две, я зажал их между пальцами и, подождав, пока трафареты наполнятся энергией, метнул их в стражников. По печати на брата. Я ощутил дуновение магии, но вспышек не было. Эту печать я придумал специально с тем умыслом, чтобы без всяких спецэффектов.

Не теряя времени, я подошел к охранникам. На миг меня затуманил азарт исследователя, то есть лихорадка любого чертильщика. Наемники — теперь я уверен, что это они, — застыли, как каменные, и в ужасе уставились на меня. Ну да, оцепенение — та еще неприятность. Но не стоит медлить. Отодвинув шторку, я вошел внутрь. Какая же картина престала передо мной!.. На шкурах сидел мужик. С сальными волосами, кривыми пальцами, что ковыряли ножом в зубах, и ехидной ухмылочкой. Напротив него стояла девушка. Я видел ее сбоку, но даже отсюда заметил, как грозно блестят ее мокрые от слез глаза. На щеке красовалась красная отметина в форме мужской ладони.

— Лучше сама разденься. Если буду раздевать я, тебе это не понравится, — усмехнулся главарь лихих наемников.

Даже голос у него какой-то мерзкий, но, скорее всего, это игра моего подсознания. Девушка хотела что-то сказать в ответ, да и главарь тоже собирался морально уничтожить пленницу, но они оба обнаружили на сцене нового актера.

— Ты кто такой? — прошипел глава и поднялся со шкур.

— Ты знаешь... — протянул я. В минуты смертельной опасности меня всегда тянет провентилировать легкие и поболтать о том о сем. — Ты знаешь, в последнее время я задаюсь тем же вопросом.

Но последнюю фразу главарь не расслышал, да и вообще он больше ничего не услышит и не ощутит. Ведь листовидный нож в глазнице лишает жертву не только слуха, но и всех других чувств. Бандит упал, а я схватил девушку за руку. На ее лице читались смутение, радость, страх, решительность, незаданный вопрос и еще сотня других оттенков.

— Барышня, — я буквально физически ощущал, как утекает время, — вы можете бежать, только честно?

Та отрицательно покачала головой. Кивнув, я подхватил ее на руки. Девушка охнула от неожиданности, а я почувствовал, что к запаху гари, исходящему от ее волос, примешивается другой — запах каких-то знакомых цветов.

— Значит, так. Сейчас мы побежим. Ваша задача — только держаться, а если боитесь — лучше закройте глаза.

Девушка кивнула, обхватила мою шею и крепко зажмурилась. Что ж, давно я уже не играл в салочки со Жнецом, а с женщиной на руках такое будет впервые. Выйдя из шатра, я подмигнул стражникам и припустил на запад. Я бежал как мог, но все же было тяжело. А когда позади послышались крики и воздух задрожал от свиста стрел, стало еще и страшно. В этот раз страх больше не терся об ногу, он скалил клыки и готовился напасть. Но я не мог одновременно бежать, держа на руках девушку, сражаться со страхом, уклоняться от стрел и еще стараться, чтобы дыхание Жнеца не коснулось нас. Поэтому я поступил проще — просто проигнорировал этот самый страх.

Деревья оказывались за спиной, а ветки хлестали, подобно кнутам. Я мчался, не разбирая дороги. Удивительно, что девушка не открыла глаз, не вскричала и не попыталась вырваться. Ведь ей приходилось хуже всего: большинство ударов веток приходилось на нее, а она молчала и только крепче поджимала губы. Когда, в очередной раз споткнувшись, я лишь чудом сохранил равновесие, мне показалось, что смерть рядом. А когда просвистевший рядом арбалетный болт рассек мне правое плечо, я понял, как близок к очереди на перерождение. Но самые опасные ситуации порождают воистину безумные идеи, которые в такие моменты кажутся верхом благоразумия.

Изменив направление, я побежал в сторону, откуда доносился шум водяного потока. Крики приближались, спиной я чувствовал жар факелов, стрел прибавилось. Я уставал, и деревья больше не могли служить надежным щитом.

Непонятно как, но я, не сбавляя шага, перепрыгнул овраг. На мгновение крики поутихли. Преследователи бежали толпой, и для них этот маленький овражек оказался серьезным препятствием. Я выиграл пару секунд, и вскоре мы добрались до края нашего марафона. Да-да, именно края, потому как внизу, кроме черноты пропасти, больше ничего не было.

— Эй! — окликнул я девушку. Ее одежда была изрезана, а кое-где виднелись кровавые царапины. Слова обжигали легкие, в глазах все плыло. — Как насчет полетать?

Леди открыла глаза, огляделась, что-то поняла и с ужасом уставилась на меня.

— Ага, я тоже думаю, что немного сошел с ума, — все, что смог выдать я из себя, и с разбегу, не разжимая объятий, сиганул в черноту ущелья.

Не знаю, сколько длилось наше падение. Девушка что-то кричала, но все, что я мог видеть в тот момент, — это два зеленых озера, затянувших меня в свои глубины намного раньше, чем бурный поток сомкнулся над нашими головами.

Глава 2 РАЗНОГЛАСИЯ

Удар о поверхность бурного потока был болезненным. По спине стрельнуло с ужасной силой, но мышцы сберегли кости. А потом — тьма и безумный калейдоскоп из смутных, неясных картинок и целой гаммы чувств и переживаний. Вода несла нас, била и терзала, кружила, как в безумном танго, то подбрасывая, то спуская вниз, порог следовал за порогом, а я лишь молил богов, чтобы не врезаться в камень. Повернувшись грудью к течению, я подхватил девушку и поднял ее так высоко, как только мог. Она еще при падении потеряла сознание, и я опасался, что леди попросту утонет. И снова поток. Нас накрыло с головой, цвета померкли. Гул в ушах стоял такой, какой не даст и турбина «боинга», уходящего на взлет.

И едва мозг пронзила идея, а мышцы напряглись, дабы выполнить завет, как поток выплюнул нас на поверхность и закружил в этом безумии. Спина болела нещадно, руки, казалось, давно одеревенели, но я все еще держал черноволосую леди. Лицо девушки то и дело погружалось под воду, но я чувствовал ее дыхание и был спокоен. Ну насколько это вообще возможно — сохранить спокойствие в такой-то ситуации. И снова порог, и снова водоворот. Глаза уже мало что видят, мозг отказывается воспринимать реальность. Нежи-

данно передо мной всплывает образ корня, торчащего из земляного навеса впереди.

В этот миг палка мне чудится дланью небес, рукой ангела, спустившегося из замка, дабы спасти несчастных. Но поток иного мнения — он относит нас в сторону, и палка остается позади. А когда я вновь вынырываю на поверхность, недавняя длань Господня чудится мне аспидом смертельным, готовым в любую секунду вонзить свои отравленные клыки в плоть и лишить последней надежды. Во время этой бешеной гонки, когда по пятам за нами следовал Темный Жнец, мое сознание захватывало одно: мольба о том, чтобы речной дух отвел от нас камни и утихомирил поток.

Не знаю, сколько минут или часов мы так провели, сколько палок, веток и корней хлестали меня по спине. Но в какой-то момент все прекратилось. Пропал гул в ушах, вода больше не резала глаза и не забивалась в нос, мешая дышать. Грудь не сдавливала непреодолимая сила, а ноги, до сих пор ватные и безвольные, нащупали дно. С трудом придя в себя, я огляделся. Мы стояли на отмели, а где-то далеко позади виднелся другой водопад. Удивительно, но во время всей этой вакханалии я не заметил, как мы сорвались вниз уже во второй раз. А потом догадался посмотреть на свою ношу и облегченно выдохнул. Леди была жива. Грудь ее мерно и безмятежно вздымалась вверх и опускалась вниз, сохраняя спокойный ритм. С моих рук резво стекали кровавые струйки, то же я ощущал на спине и ногах. Все тело было покрыто глубокими царапинами.

Собрав волю в кулак, я поплелся к берегу. И путь этот, не извилистый, не тернистый, показался мне столь длинным, что впору было свистнуть и вызвать кебмена. Наконец я преодолел эти несчастные пять метров, осторожно опустил леди на песчаный берег и рядом рухнул сам. Желтые песчинки тут же прилипли к одежде, лицу и телу. Я не обращал на это внимания. Морфей, старый пройдоха, отогнал разочарованного Жнеца и решил было забрать меня с собой. Титаническим усилием я сбросил оковы подступающего сна и, подхватив на руки, которых уже давно не чувствовал, спящую леди, понес ее в гущу леса. Воздух подернулся серебристой дымкой, от влаги слезились глаза, а лицом я ощущал подступающий жар. На востоке всходило солнце.

Этот вечно золотой и вечно молодой комочек света будто говорил: «Ты жив, ты дышишь». И осознание того простого факта, что можно дышать, не отплеываясь от воды и не боясь в любую секунду быть пронзенным острой скалой, захлестывало меня не хуже ревущего потока. На миг я остановился и посмотрел вперед — на восток. Еще одна ночь позади, еще один день впереди. А пока я могу постоять на развилке времени и ухватить кусочек будущего. Впереди меня ждут баронства, королевство Курдмар, Цветущие холмы, Рассветное море, Великая пустыня, и в самом конце этого пути финишной ленточкой, далеким огоньком олимпийского факела сияет золотом дворцов Алиат. Что ж, моя маленькая одиссея началась. А ведь сколько раз я себе говорил: «Будь осторожнее с желаниями, парень!» Но нет...

Ругнувшись, я понес девушку к поляне, что виднелась неподалеку.

Абель Рихт, старший следователь Третьей управы

По широкому проспекту пронесся протяжный свист, и уже через десяток секунд около высокой фигуры в сером плаще остановился небольшой кеб. Фигура юркнула в повозку, и та покатила в южном направлении. В повозке сидел Абель Рихт, старший следователь Третьей управы.

Заплатив извозчику несколько медных монеток, Ищейка направил свои стопы к Академии. Быстро посмотрев в окно, Абель тут же задернул шторы — у него было ужасное настроение. И нет, это никак не связано с выговором от начальства и новым делом. Просто Рихт ненавидел солнце и все, что с ним связано. Днем ему было не по себе. В окружении толпы разумных, среди бесконечных криков и суеты он чувствовал себя чужим. Летом же и вовсе жутко потел, и приходилось постоянно платить за охлаждающие амулеты. Другое дело — ночь и сумерки. О, это воистину рай земной для Абеля! Его глаза превосходно видят во мгле, за что сослуживцы и прозвали его Ищейкой. Прохладный ветер обдувает волосы. Звезды, луна и фонари дают достаточно света, а игры теней столь причудливы, что порой Абель может часами наблюдать за этим явлением. Ну и чего греха таить — самые ужасные вещи творятся именно ночью, а значит, в это время суток наибольший шанс разгадать очередную загадку.

Да, как бы это глупо ни звучало, сын простого ремесленника обожал загадки. Еще в детстве он в отличие от других детей, играющих на улице в монстров и героев, сидел дома и при свете лучины мог читать, читать и еще раз читать. А когда книги в доме отца закончились, он стал подрабатывать грузчиком на рынке и за декаду работы мог скопить достаточно, чтобы купить истрепанный свиток. А за сезон — даже потрепанную книжицу. Быть может, если бы судьба иначе повернула ход событий, Абель стал бы не следователем, государевым человеком, а архивариусом. Но как это часто случается, у богов свои планы.

Однажды, работая на рынке, Абель услышал протяжный крик. Сам не зная почему, он бросил поклажу и рванул в сторону, откуда доносились звуки борьбы и сыплющихся проклятий. И что же он увидел? Три стража избивали своими начищенными сапогами маленького ребенка — босоту. А толпа, толпа просто стояла и смотрела, да еще наслаждалась зрелищем.

За годы работы грузчиком и помощником в мастерской отца Абель стал достаточно крепким и сильным юношей. Он налетел на этих стражей и всего за пару минут раскидал их в разные стороны. Но те позвали подмогу, и двоих пацанов скрутили. Так Абель попал в застенки Первой управы. Его редко кормили, и он часто ежился от холода и сырости маленького каменного мешка, по ошибке названного камерой. Прошло четыре дня, и его повели на допрос. В камеру вошли стражники и, схватив его за руки, потащили по извилистым лабиринтам коридоров. Кинув бедолагу в кабинет, они быстро удалились.

Рихт до сих пор помнил тот запах смерти и отчаяния, что стоял в этом кабинете, да и сам человек, сидевший за дубовым столом, не внушал ни йоты доверия. Мужчина был коренаст, широкоплеч, но его глаза, стальные с голубоватым отливом, смотрели буквально сквозь Абеля. И юноша чувствовал опасность, исходившую от человека. Тогда мужчина спросил, почему же добрый горожанин вступился за воришку-босоту. И вновь что-то овладело Абелем. Он выпрямил спину и, криво усмехнувшись, заявил, что босота, может, и был воришкой, но в том инциденте не виноват. Дознаватель изогнул бровь и поинтересовался, что же натолкнуло парня

на эту мысль. И тогда Абель выложил все как на духу. Как заметил маленькие свежие царапины и ссадины на ступнях мальчика: это говорило о том, что он из старого района, где уже давно не чинили мощные улочки. Район находится на севере, а оттуда не доберешься прогулочным шагом в центр рынка к девяти. Значит, мальчик бежал бегом, видимо, с каким-то поручением. Еще Абель заметил, как пытается отойти подальше продавец «ограбленного» лотка и старательно что-то смахивает с прилавка, роняя в суму. Как третий страж держится за карман и с опаской поглядывает на своих сослуживцев. Все это почему-то наталкивало Абеля на идею о невиновности мальчика. Пока он не мог собрать гобелен по ниточкам, но это чувство точило его изнутри и не давало заснуть.

Тогда дознаватель выложил на стол три серебряные монетки. Он сказал, что их нашли у босоты, якобы именно их мальчишка стащил с прилавка. Крупная сумма, за такое либо руку по локоть, либо на рудник. Но Абель лишь пожал плечами и сказал, что это прекрасно вписывается в картину, которую он обрисовал: мальчика отправили с поручением. После этой фразы они долго играли с дознавателем в гляделки, пока мужчина не хмыкнул. Довольно улыбнувшись, он достал из стола ключ и снял с опешившего Абеля цепи. Затем снова был длинный путь по коридорам, пока Рихта не подвели к другой допросной. Из-за кованой двери доносились страшные крики, плач, а в ноздри бил запах аммиака.

— Этот страж, Тург Тистиан, брал дань с торговцев, — будничным тоном рассказывал Абелю дознаватель, а в это время крики слились в один поток. — За три серебряника в декаду он гарантировал лавочникам безопасность, босота их не трогала. Пятого дня он случайно столкнулся с тем мальчиком, когда принимал деньги от торговца. Это заметили его сослуживцы. Тургу пришлось сделать вид, что рассыпанные на земле монеты — это неудача воришки. Его хотели забить прямо там, на улице. Но вмешался ты, а мимо проходил мой сотрудник. Удивительно, но ты заметил даже больше, чем он. Моему соколу лишь чутье подсказало, что что-то здесь не так.

Наконец крики затихли, а юноша почувствовал, как по тускло освещенному коридору пронесся прохладный вете-

рок — Жнец явился за своим. Дознаватель схватил Абеля за плечо и резко развернул к себе, приближаясь настолько, что их носы разделяла лишь тонкая полоска воздуха.

— Ты бы не навредил невинному, если бы не был уверен в его виновности? — прошептал мужчина.

Парнишка отрицательно покачал головой. Дознаватель улыбнулся и задал еще один вопрос. В любой истории есть поворотный момент. Деталь, которая решает весь дальнейший сюжет. Таким в истории Абеля Рихта стал следующий вопрос:

— Ты хочешь стать государевым человеком?

Нетрудно догадаться, что на это ответил взволнованный юноша.

Наконец кеб остановился, и следователь, опустив подножку, выбрался на улицу. На востоке уже поднималось солнце, окрашивая небо в пастельные тона. Абель сплюнул. Он не любил утро еще больше, чем день. Накинув на голову капюшон, пряча лицо в его тени, следователь двинулся к воротам Академии. Пожалуй, стоит рассказать, почему эта фигура в сером плаще так уверенно идет к обители магов. Абель уже не один год распутывал преступные клубки, и еще ни разу цель не уходила от него. Не важно, будь то черный маг, убийца, вор, насильник, шпион или беглый каторжник. Все это не имело значения: если есть загадка, Абель разгадывал ее. Но все бывает в первый раз, и чуть меньше года назад осечка случилась и у него.

В тот день во время оперы в Императорском театре произошло убийство аристократа. Громкое было дело. Посетителей оперы буквально через сито просеяли, но убийцу не нашли ни тогда, ни после. И лишь один нюанс остался в памяти Абеля. Странность, вызвавшая сомнения. Но из-за клятвы не вредить невинным, куда их вина не будет доказана, Абель не мог позволить себе большего. Он и так поддался эмоциям и буквально пытал молодого мужчину. Но все, чего смог добиться, — это туманные ответы на четко поставленные вопросы. Это была странность номер один.

Затем была странность номер два. Непонятно почему в городе случилась настоящая эпидемия отравления «Златозмейкой» — сывороткой с жуткими свойствами. Абель не

получил то дело, но что-то заставило его идти по следу, который вывел дознавателя на улицу Пяти Ям, к лавке старухи-травницы. Ужасная женщина, но, как оказалось, кроме дешевых трав сомнительного свойства, ничем не торговавшая. Рихт взял с нее штраф и приказал к лету убраться из его города. Старуха кивнула.

Какое-то время на Сантос спустилась тишина. Убийцу аристократа все еще искали, но того как будто не существовало. Лишь Абель чувствовал, что жгучая тайна приподнимает свой темный саван. Абель ждал, он умел это делать. И вскоре город буквально затопили странности.

Сперва инцидент в Академии — смерть одного из студийзусов. Сам по себе этот факт ничем не примечателен, только за этот год Третья управа расследовала десять подобных случаев. Но вот смерть «сильнейшего мага столетия», как называли погибшего студента, — к тому же после того, как маги заявили, что на той поляне сражались без магии, — это уже из области пьяных бредней. Абель хотел побеседовать с убийцей, но ему доложили, что тот пропал. Тогда Рихт лишь чудом не сошел с ума. Как мог пропасть подозреваемый из самого охраняемого комплекса во всей Империи? «Как?» — спрашивал он, но ответа не было. А затем случилось страшное — отравили старшего принца, и не чем-нибудь, а королем ядов. Самой страшной отравой, когда-либо созданной разумными.

В докладе значилось, что отравитель и способ доставки яда неизвестны. Но Абель снова ощутил, как в его груди поднимается то самое чувство, что помогло ему спасти мальчика-босоту. Рихт снова стал ждать. Ждать, когда принц умрет. Прошло десять дней, и тело наследника стали готовить к последнему путешествию. Не будем пускаться в пространные объяснения, рассказывая, чего стоило Абелью подобраться к трупу. Тщательный осмотр выявил маленький, крохотный порез на лице принца. Азарт погони завладел следователем. Пользуясь своим пропуском, он поднялся в спальню ныне покойного принца и внимательно осмотрел все, что можно было осмотреть. И на одной из стен, противоположной окну и кровати, нашел небольшое углубление, идеально подходящее под характерный кинжал убийцы.

Абель верил: если догадка невозможна, то сложи все странности воедино — и самая бредовая идея будет недалеко от истины. Последнее, что требовалось следователю, — ключ к мозаике, и за ним он отправился в Академию. Когда-то, будучи еще ребенком, Абель и сам мечтал учиться здесь, мечтал стать магом. Но он ни разу не пожалел о том, что стал государевым человеком. Загадки были для него всем: они были воздухом, наполнявшим легкие, кровью, бегущей по венам, душой, жившей в сердце. И сейчас он напал на след, ведущий к разгадке, быть может, тайны всей его жизни. И эта тайна почему-то казалось ему куда более страшной и важной, чем три связанных между собой убийства. Нет, за этим стоит что-то еще. Что-то громадное, что-то, для разгадки чего он и пришел в этот мир.

Показав свой медальон двум стражникам на воротах, Рихт с легкой улыбкой наблюдал, как те вздрогнули и тут же бросились открывать створки. Абель прошел на территорию Академии и, не глядя по сторонам, буквально бросился к пятому корпусу, где находились архив и отдел по работе со студиями.

Он миновал парк, столкнулся с обнимающейся парочкой, посмотрел на статую девы, застывшей в очень странной позе, и остановился перед одноэтажным зданием. Отворив дверь, зашел внутрь. В ноздри ударил характерный запах. Рихт почувствовал чей-то взгляд на спине. Не обращая на это внимания, он рванул к стойке, выложил медальон на прилавок и разве что не рывкнул на молоденькую сотрудницу:

— Личное дело студиязуса Тима Ройса! Живо!

Девушка чуть в обморок не свалилась и уже через мгновение спряталась во тьме стеллажей. Еще пару минут спустя она вернулась с папкой. Это имя Абель запомнил, когда расследовал дело о смерти «сильнейшего мага». Дрожащими руками взяв папку, Рихт стал лихорадочно перелистывать пергаментные листы, ища нужный. И вот он наконец наткнулся на лист с портретом. Дыхание перехватило, сердце было готово выпрыгнуть из груди, а ноги чуть ли не подогнулись, когда следователь узнал это лицо. Лицо человека, что так нагло хамил ему в опере и вызвал столько подозрений, но затем бесследно исчез. Странности складываются воедино...

— Я конфискую это! — крикнул Абель и вышел из здания.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1. Обрыв</i>	10
<i>Глава 2. Разногласия</i>	28
<i>Глава 3. Баронства</i>	58
<i>Глава 4. Долина Древних Королей</i>	117
<i>Глава 5. Цветущие холмы</i>	161
<i>Глава 6. «Морской сокол»</i>	187
<i>Глава 7. Сразившийся с богом.</i>	214
<i>Глава 8. Остров Правды.</i>	237
<i>Глава 9. Великие пески</i>	261
<i>Глава 10. Океания</i>	325
<i>Глава 11. Тиха алиатская ночь.</i>	352
<i>Эпилог</i>	374